

Прошло столько лет, сколько лет... целых двенадцать лет, а его дядя до сих пор не забыл того ребенка.

Дядя и племянник давно не виделись, и им следовало бы поговорить по душам. Сун Цзин смотрел на красивого мужчину за пятьдесят, в волосах которого появилась седина. Лицо его дяди становилось все более холодным и жестким, словно утратившим всякую мягкость, и только тот, давно ушедший ребенок, мог его растопить.

Сун Цзин умолк, обернулся и взял за руку своего сына. Он собирался представить его Сун Ле, но теперь это казалось ненужным.

Его дядя был не холоден и не жесток, просто он лишился того ребенка.

Сун Ле давно не видел снов, по крайней мере, в них никогда не появлялся Се Сицзэ.

Ночная гроза накрыла весь Чуаньчэн, дождь стучал по стеклу, и в этом шуме возник образ Се Сицзэ, вошедший в сновидение Сун Ле.

Двенадцать лет — как один сон, и этот сон казался еще двенадцатью годами. Сун Ле наконец увидел своего мальчика во сне.

— Сяо Цзэ! — кричал он во сне. — Погоди меня!

Сун Ле успел схватить лишь фалангу пальца Се Сицзэ, но тот вырвался, и он тут же проснулся.

В комнате Се Сицзэ давно исчез его запах, в ней стояла гнетущая прохлада. Сун Ле нащупал в темноте выключатель ночника и встал с кровати. Молния вспорола ночное небо, отражаясь в зеркале. Сун Ле смотрел на свое поседевшее отражение, моргая влажными глазами. Грудь разрывало сильное чувство, сдавливая горло.

Он беззвучно закричал: разве ты не хотел моей любви? Я дам тебе её, моё сердце, моё тело, всё моё существо — я всё отдам тебе. Я люблю тебя, вернись!

Но Се Сицзэ не было. Сун Ле смеялся сквозь слёзы: ему уже пятьдесят, Сяо Цзэ, Сяо Цзэ...

...

Се Сицзэ долго не мог прийти в себя. Глаза Сун Ле были полны слез, в их коричневой глубине, обычно такой мягкой, теперь читался надлом. Он говорил, что отдаст всё, чего тот захочет, руки, державшие Се Сицзэ, дрожали. Се Сицзэ слегка дернулся и вырвался. Он отвернулся, и под носом у него лопнул слезный пузырек.

Сун Ле смотрел на него и тихо произнес:

— Сяо Цзэ, цветы уже расцвели, а тебя нет. Помнишь ли ты наше обещание посмотреть на них вместе?

Се Сицзэ покачал головой, горло сжал спазм, он боялся посмотреть в глаза Сун Ле, еще не просохшие от слез.

Ситуация была совсем не такой, как он представлял. Он думал, что сам раскроет правду о перерождении в один из дней, думал, что Сун Ле удивится, будет упрекать его за скрытность. Кто мог знать, что этот мужчина и так знал всё и, рыдая, назвал всё при нём.

— Сяо Цзэ. Сун Ле сдерживал горечь в душе. Такой высокий мужчина внезапно опустился на колени перед Се Сицзэ и нежно поцеловал тыльную сторону его кисти.

— Когда я вернулся, первое, что я сказал себе: в этот раз я больше не причиню тебе боли. Чего бы ты ни захотел, я всё дам, даже себя, своё сердце, свою любовь — у тебя будет всё. Я хочу спросить только об одном: дашь ли ты мне шанс начать всё сначала?

Се Сицзэ опустил ресницы, взгляд застыл в одной точке.

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе шанс?

— Сяо Цзэ, я умоляю тебя.

Сун Ле без колебаний произнес слово «умоляю», и Се Сицзэ не мог не поразиться.

Он никогда не смел и представить, что Сун Ле когда-нибудь примет такое выражение, умоляя о его ответе. Этот мужчина сказал, что долго ждал его под деревом. Должен ли он радоваться или печалиться?

Думал, что больше не встретится с ним, а в итоге они вновь запутались друг в друге. Долго думал о мужчине, который даже не смотрел на него, а теперь тот собственноручно признался ему в любви.

Он оказался победителем, но когда этот момент наступил, всё оказалось гораздо спокойнее, чем он воображал.

Сун Ле ждал его ответа, глубокие карие глаза еще блестели от влаги. У Се Сицзэ на языке вертелось много слов, но в итоге он сухо отозвался:

— Поехали домой.

Казалось... говорить было нечего, и хвастаться особенно нечем.

Он засунул руки в карманы и неспеша спустился с горы, чувствуя, как взгляд мужчины сверлит его спину. На душе было скверно, и он пнул камешек на обочине, камешек покатился вперед с грохотом, словно Се Сицзэ сметал с дороги свою злость.

Сун Ле молча шел позади Се Сицзэ. Скажи, что он не был расстроен — ложь, но разве тот факт, что мальчик не отказал ему прямо, не означал, что надежда еще есть?

Он не стал давить на Се Сицзэ, требуя немедленного согласия. Теперь он не решался делать ничего, что могло бы его расстроить. Он боялся, что этот ребенок снова сбежит, и если это повторится, он не переживет огромной пустоты его отсутствия.

Потерял и обрел, потерял и обрел.

Впереди Се Сицзэ все еще пинал камешки. Сун Ле с трудом выдавил улыбку, подошел и схватил его за руку, тихо уговаривая:

— Не пинай, а то ногу повредишь.

Се Сицзэ выдернул руку и недоуменно уставился на него.

— И это тебе тоже не нравится?

Сун Ле тихо промолвил:

— Если злишься — лучше пни меня.

Тогда Се Сицзэ пнул Сун Ле в пятку, не церемонясь, и на штанине сразу остался отпечаток подметки.

Сун Ле рассмеялся. В отличие от безнадежной улыбки раньше, сейчас он был искренне рад.

Был только второй половине дня, когда они вернулись в деревню. Се Сицзэ вспомнил о безумстве, творившемся на цветочном поле, и ему стало неловко смотреть на Сун Ле, словно он опозорился. *Couldn't they just talk normally?* Зачем было нужно делать это при свете дня среди цветов?

Хотя главная вина лежала на Сун Ле. Если бы этот старый негодяй не соблазнял его нарочно да еще с таким мастерством, разве поддался бы он как неопытный юнец?

Он подумал: если Сун Ле еще раз попробует такое с ним, он пнет его так, что тот забудет, что у него есть мужское достоинство.

Заметив его недобрый взгляд, Сун Ле опустил глаза и посмотрел себе под брюки.

— Сяо Цзэ, что не так?

Се Сицзэ холодно усмехнулся, подумав, что человек еще не пришел в себя после того, что было, и сказал:

— Мягким стал довольно быстро.

Сун Ле почесал нос и тихо рассмеялся. Он чувствовал, что перед этим ребенком у него не осталось ни капли авторитета.

Они зашли во двор дома Се один за другим. С тех пор как ушла бабушка Гуйхуа, воцарилась мертвая тишина. Нарциссы в углу внезапно завяли. Бабушка ухаживала за этими цветами много лет, но в итоге они ушли вместе с ней.

Се Сицзэ бросил Сун Ле и побрал приводить в порядок цветы на деревянных стеллажах. Двор не убирали несколько дней, он выглядел запущенным.

Сун Ле увидел, что Се Сицзэ занят делом и не обращает на него внимания, перекинулся парой фраз и пошел на кухню готовить ужин. Во дворе, где остались только они двое, было одиноко, но в этом была своя прелесть.

Се Сицзэ, как обычно, подметал двор, когда к нему заглянул Чжан Вэнь. Похороны только что закончились, и люди неохотно навещали их, боясь накликать беду. Се Сицзэ понимал это, поэтому, увидев Чжан Вэня у ворот, сразу велел:

— Брат Вэнь, лучше иди назад. Не надо за мной присматривать, я в порядке.

Се Сицзэ говорил, что всё в порядке, но за это время он сильно похудел. Чжан Вэнь ужаснулся, увидев его. Парень похудел до неузнаваемости, лицо побледнело, от чего глаза казались еще более черными и блестящими. Се Сицзэ было трудно откормить, тот крошечный прогресс, которого они добились за месяц, исчез за несколько дней.

Его худые руки, похожие на ветки, были почти такой же толщины, как бамбуковая метла в его руке. Он выглядел невесомым, и Чжан Вэнь не выдержал:

— Почему ты так похудел?!

Се Сицзэ равнодушно взмахнул метлой.

— Немного болел, поправлюсь со временем.

Чжан Вэнь предложил:

— Старая курица — для здоровья. Я скажу дома, принесем тебе парочку?

Се Сицзэ собрался было отказаться, но тут вернулся Сун Ле, поливший огород. Увидев, как Чжан Вэнь оживленно болтает с Се Сицзэ, он внешне сохранял спокойствие, но Се Сицзэ знал: тому не по душе. Он мысленно усмехнулся: старому мужчине явно не нравится, что он разговаривает с Чжан Вэнем.

Но хоть старику это и не нравилось, Се Сицзэ все равно хотел поговорить с Чжан Вэнем.

Чжан Вэнь был добрым человеком и не раз помогал Се Сицзэ в деревне. Он поговорил с ним еще несколько минут и даже согласился зайти к ним поесть. Только Чжан Вэнь ушел, Се Сицзэ обернулся и увидел: лицо Сун Ле почернело.

На штанинах мужчины сохла грязь, и он совсем не походил на того безупречного бизнесмена, каким был обычно.

Се Сицзэ пожал плечами.

— Сердится?

Сун Ле проследил за ним взглядом и продолжил готовить на кухне.

Раньше, когда Се Сицзэ хотел довести Сун Ле, тот редко злился, но если злился, то молча поднимал его и отшлепывал по заднице, а потом, нахмурившись, спрашивал:

— Понял, что натворил?

Но это было раньше. А сейчас осмелится ли старый мужчина злиться?

<http://bllate.org/book/16434/1489773>